

Ю.Е. Березкин

КИРТИМУКХА, СИСИУТЛЬ И ДРУГИЕ СИММЕТРИЧНО-РАЗВЕРНУТЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ИНДО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА¹

«Современные этнологи проявляют явное отвращение к сравнительным исследованиям первобытного искусства. Нетрудно понять приводимые ими доводы: до сих пор исследования подобного рода стремились почти исключительно к доказательствам только культурных контактов, явлений диффузии и заимствований». Так начинается в русском переводе известная статья К. Леви-Строса «О симметрично развернутых изображениях в Азии и Америке», впервые опубликованная в 1945 г. и называвшаяся в оригинале «*Le dédoublement de la représentation dans les arts de l'Asie et de l'Amérique*» [Леви-Строс 1983]. Двусмысленность автора (если это ДВУсмысленность: вспомним Сашу Соколова — «мой дядя был если не двояк, то трояк») вызывает столь же разнообразные чувства. Это и восхищение словесной и интеллектуальной игрой, и раздражение от хитроумного и лукавого запутывания читателя, преобразования им простых и очевидных вещей в сложные и неявные. Впрочем, обо всем этом уже давно писал Марвин Харрис.

Леви-Строс не мог не знать, что идентичность принципов создания изобразительных композиций по обе стороны Тихого океана обусловлена исторически, да и вся его статья — ровно об этом. Но заявить такое было бы неинтересно. Исторически обусловленные параллели оказались прикрыты типологическим сходством, видимая альтернатива которому — вполне разумно отвергаемая им гипотеза трансокеанских контактов.

Не стоит, правда, забывать, что картина прошлого даже у самых образованных людей первой половины XX в. существенно отличалась от нашей, складываясь из представлений и допущений, во многом восходивших еще к XIX в. Ведь натиф был открыт лишь в конце 1920-х годов, лапита и олдувай — в 1950-х, керамика времени финального плейстоцена в Японии, Китае и на Амуре — в 1960-х, Варненский могильник — в 1970-х, «выход-из-Африки» — в 1980-х, Гёбекли-тепе — в 1990-х. Не только Богораз

¹ Проблематика работы поддержана грантами INTAS 05–10000008–7922, РФФИ 07–06–00441–а, Программой фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

полагал, что на берегах Берингова пролива эскимосы жили «в начале четвертичного периода» [Bogoras 1924: 237], но и Боас, и Рэдклиф-Браун, и большинство других титанов антропологии ничего конкретного о доистории не знали и об эвристическом потенциале археологии и других наук, занимающихся изучением прошлого, не догадывались. Апелляция к транс-океанским миграциям как к источнику сходных черт в культурах Азии и Америки была нормой в работах полувековой давности, да и сейчас, когда факт плаваний полинезийцев в Чили и в Калифорнию не вызывает серьезных сомнений [Jones, Klar 2005; Klar 2005; Storey a.o. 2007], приходится объяснять, что мифологические системы и стили искусства в ходе кратковременных случайных контактов не передаются. Так что в середине 1940-х годов Леви-Строс, может быть, и не боролся с фантомом. Это не оправдывает его словесной эквилибристики при обсуждении конкретных проблем, но запрещает требовать от французского философа знаний, которыми он в то время не мог располагать.

Среди великих открытий истекших десятилетий Гёбекли-тепе и ранняя керамика Восточной Азии для нас особо важны. Монументальные сооружения в верховьях Евфрата, возводившиеся 12 тыс. лет назад [Schmidt 2000; 2006], равно как и древнейшая глиняная посуда, обнаруженная в Японии, Китае и на российском Дальнем Востоке [Жушиховская 2002; Кузьмин 2004; Lu 2001: 131, 148–149], свидетельствуют о том, что ко времени начала заселения Америки уровень технологии и сложность социальной организации некоторых евразийских обществ намного превосходили тот, который зафиксирован для отдельных обществ Нового Света эпохи европейских контактов. Нельзя даже полностью исключать, что предки индейцев были знакомы с начатками земледелия (см. данные в пользу азиатского происхождения и раннего появления в Новом Свете намеренно выращивавшейся тыквы-горлянки [Erickson a.o. 2005]). После заселения Америка не развивалась на месте «с нуля» и часть ранних мигрантов могла принести в Новый Свет значительный культурный багаж. На протяжении сотен тысяч лет Восточная Азия оставалась вне протекавших на западе ойкумены процессов культурогенеза. Однако около 25 тыс. лет назад после смены на данной территории нижнего палеолита верхним [Вишняцкий 2008: 83–84] дальнейшее развитие шло здесь быстро, способствовал, в частности, освоению Нового Света вскоре после ледникового максимума.

Вплоть до становления ранних цивилизаций принесенные из Азии идеи и представления оставляли мало долговечных материальных следов. Однако во II тыс. до н.э. основой для создания изображений сделались не только дерево, кожа или песок, но и камень, а вскоре и золото. Такие изображения были в конце концов обнаружены археологами. В некоторых районах характерная для индо-тихоокеанской части ойкумены и, очевидно, возникшая в палеолите изобразительная традиция была открыта в ходе раскопок в XX в. В некоторых других она сохранилась в живой культуре и была зафиксирована этнографами.

Леви-Строс эту традицию заметил и осознал, хотя к моменту появления «**Le dédoublement de la representation**» **самые яркие и вместе с тем древние** ее образцы оставались за пределами его кругозора. Часть из них была открыта после 1945 г., другие — незадолго до этого. В годы нью-йоркской эмиграции Леви-Строс получил великолепную возможность изучать искусство американского северо-запада [Jacknis 2004], но не доколумбовые памятники Мексики и Перу. Возможно, поэтому, продемонстрировав единство происхождения симметрично развернутых изображений циркумтихоокеанского региона от маори Новой Зеландии до бразильских кадувео, он не обратил внимания на более специфические параллели, касающиеся конкретных образов.

Примерную хронологию доинкских цивилизаций Центральных Анд начиная с рубежа нашей эры установил в конце XIX — начале XX в. основоположник научной археологии этого региона немецкий исследователь М. Уле. В 1919 г. перуанский археолог Х.С. Тельо постулировал хронологический приоритет североперуанской культуры чавин, в которой он усмотрел источник тех идей в области искусства и архитектуры, которые затем были реализованы создателями мочки и уари [Башилов 1972: 5–6, 21–22; Табарев 2006: 56–65]. В 1950–1960-х годах радиоуглеродные датировки подтвердили выводы Тельо, отведя чавину время в пределах I тыс. до н.э. Одновременно с этим со второй половины 1940-х годов на побережье Перу велись раскопки так называемых докерамических раннеземледельческих поселений III–II тыс. до н.э. [Березкин 1969]. Потребовалось два десятилетия, прежде чем стало ясно, что чавин (который с его монументальным искусством и храмовыми центрами можно считать «цивилизацией») и маленькие деревушки «ранних земледельцев» есть не разные эпохальные стадии развития древнеперуанского общества, а элементы единой традиции, оформившейся на рубеже IV и III тыс. до н.э. и просуществовавшей — с изменениями, конечно — до IV–III вв. до н.э. Эпонимный храмовый центр и городок Чавин-де-Уантар в верховьях Уальяги на севере горного Перу вряд ли был основан ранее IX в. до н.э., но другие подобные центры впервые появились на побережье Перу на полтора-два тысячелетия раньше. Политически данная общность на всех этапах своего развития представляла собой скорее всего мозаику автономных общин и более крупных политий, хотя можно ли последние называть вождествами для III–II тыс. до н.э., не вполне ясно. Ряд археологов полагает, что во II или даже уже в середине III тыс. до н.э. в ряде прибрежных долин существовали структуры, близкие по сложности раннему государству [Creamer a.o. 2007; Haas 1987: 31; Haas, Creamer 2006; Pozorski 1987; Pozorski, Pozorski 1992; 2006; Shady Solís 2004; Shady, Leyva 2003]. После 900 г. до н.э. прибрежные центры в основном были заброшены, а ведущее положение занял наиболее удаленный от океана Чавин-де-Уантар. В это же время происходят существенные изменения в экономике (распространяются урожайные сорта кукурузы, а также ламы), ремесле (совершенствуется производство тканей, развивает-

ся металлургия меди и золота) и в социальной организации (помимо монументальных построек появляются и богатые захоронения). Иконография при сохранении базовых принципов также немного меняется.

Подобно большинству сложных обществ Америки, чавин и родственные ему культуры удивляют обилием памятников изобразительного искусства. Причину такого обилия можно видеть в конкуренции между разными политиями и между родовыми подразделениями внутри политий, организованных, судя по этноисторическим источникам, на дуальной основе [Burger, Salazar-Burger 1991; Netherly 1984; Zuidema 1992]. Отсюда скорее всего и гигантские масштабы монументального строительства. Перуанские платформы из глины и камня II тыс. до н.э. значительно больше крупнейших месопотамских построек III–II тыс. до н.э., хотя число людей, живших вокруг храмовых центров в Центральных Андах того времени, в десятки раз уступало числу подданных государств Двуречья.

Очевидно, что древние письменные памятники содержат лишь малую долю фольклорных сюжетов, известных в эпоху их создания. Точно так же изображения на долговечных материалах не отражают иконографическую традицию во всей ее полноте. Однако чем большим числом памятников представлена та или иная традиция, тем больший процент связанных с нею сюжетов становится нам известен. В Перу от I тыс. до н.э. дошло существенно больше изображений, чем от II-го и тем более III-го. Появление именно в это время новых сюжетов не означает, что они не были известны раньше.

Монументальное искусство той культурной традиции, завершением которой стал чавин, фигуративно и биоморфно. Чаще всего мы имеем дело с фрагментами композиций, профильными изображениями существ, направляющихся к какому-то центру и смотрящими в его сторону. Можно полагать, что существа, которые помещались в самом центре, по оси симметрии, мыслились занимающими господствующее положение в культе и ритуале. Среди двух десятков известных фигур подобного рода есть как мужские, так и женские.

В облике большинства изображенных существ в разной пропорции соединены признаки людей (поза, расположение рук и ног) и животных (когти, ягуарьи клыки и т.п.). Сама по себе химеричность существ не мешает вообразить их «вживе», но некоторые иконографические приемы превращают эти образы в своего рода ребусы, или, как писал Дж. Роу, «кеннинги» [Rowe 1962]. Одним из распространенных изобразительных элементов является личина с выступающими из верхней челюсти клыками, два из которых помещены по краям рта, а третий — посредине. Нижней челюсти нет вообще. В ряде вариантов клыки отсутствуют, показан ровный ряд зубов в верхней челюсти. В простейших случаях отсутствуют также и зубы, верхняя челюсть показана линией, имеющей характерный контур. Влево и вправо от макушки или от щек личины обычно отходят отростки, завершающиеся головами змей. Подобная композиция оказывается внедренной в фигуры стоящих

персонажей, располагаясь у них над головой, на лице или на поясе (рис. 1). Похоже, что все изображения такого рода относятся ко времени существования храмового центра Чавин-де-Уантар, т.е. к первой половине — середине I тыс. до н.э. Отдельно выделенные личины украшают в частности ткани (рис. 2–4) и изделия из золота (рис. 2–5). На статуе из Кунтур-Уаси, относящейся, возможно, к несколько более раннему времени (конец II тыс. до н.э.(?), существо с подобной личиной имеет относительно реалистически переданное антропоморфное тело с конечностями (рис. 2–6). На двух каменных плитах II тыс. до н.э., представляющих собой древнейшие образцы монументального искусства в Новом Свете, показано существо несколько иного типа, у которого расходящиеся вправо и влево от центральной личины отростки заканчиваются не головами, а хвостами змей, а центральная голо-

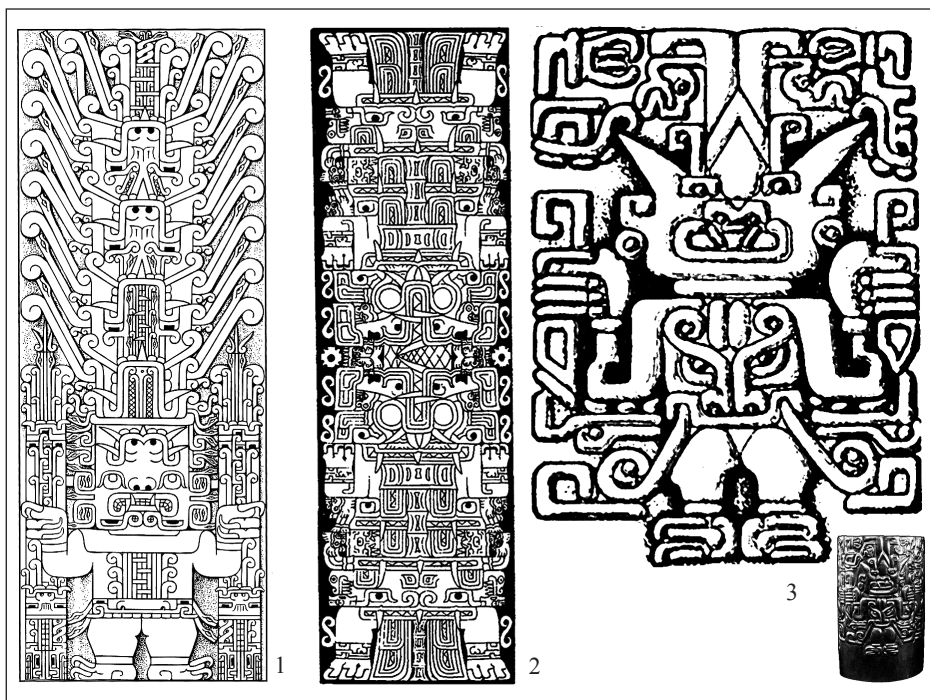

Рис. 1. Изображения в стиле чавин, сер. I тыс. до н.э.

1. «Стела Раймонди», Чавин-де-Уантар (по: [Burger 1995, fig. 176]). На поясе — личина с отходящими в обе стороны змеями (видны ноздри и ряд зубов в верхней челюсти). На лбу и выше, образуя как бы головной убор, — многократное повторение перевернутой личины с двумя или четырьмя боковыми и одним центральным клыком в верхней челюсти.

2. Гранитная плита из Яуйя, север горного Перу. Возможно, служила притолокой, и в таком случае изображение должно рассматриваться как вытянутое по горизонтали. Зеркально повторенная основная фигура имеет черты каймана, в контуры которого от пояса до головы несколько раз внедрена клыкастая личина без нижней челюсти (по: [Carrion Cachot 1948, lám. VIII. 4], см. также фото в: [Burger 1995, fig. 243]).

3. Золотая корона из Чонгояпе, север побережья Перу. Внизу на туловище фигуры — личина без нижней челюсти со змеевидными отростками по сторонам (по: [Larco Hoyle 1951: 88]. Фото по: [Emmerich 1965, fig. 2]).

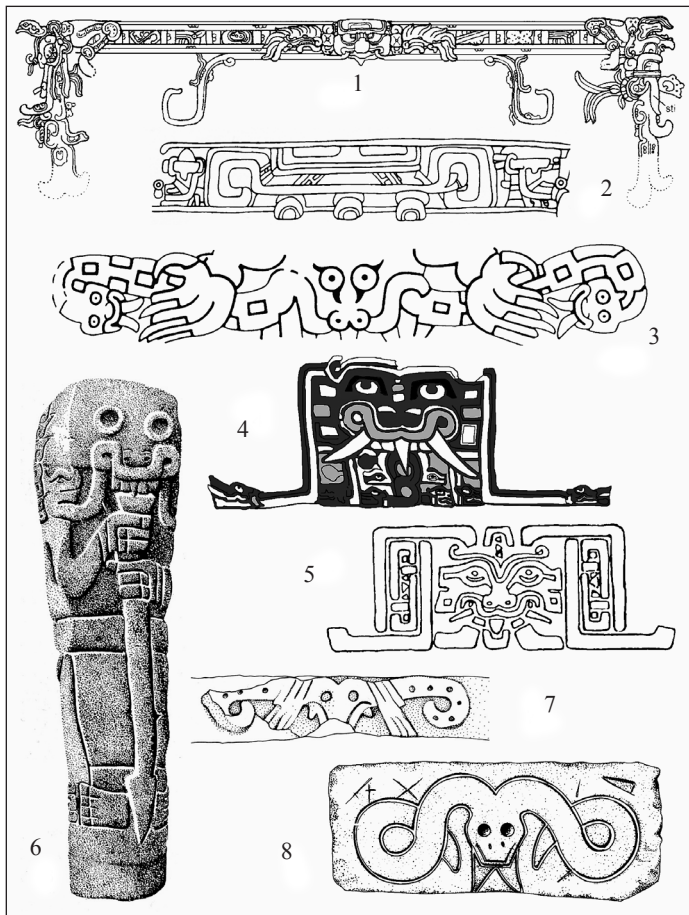

Рис. 2. Изображения с центральной личиной без нижней челюсти и змеевидными отростками по сторонам в Центральных Андах и Мезоамерике.

1. Майяский глиф «небесный монстр», обычно помещавшийся на притолоках с западной стороны зданий. В центре личина «небесная птица», слева композиция завершается знаком планеты Венеры, правый конец ассоциируется с солнцем (по: [Schele, Miller 1986: 45]).

2. Верхняя часть росписи с мотивом «челюсти неба». Стена погребальной камеры № 105, Монте-Альбан, Оахака (по: [Marcus, Flannery 1996, fig. 250]).

3. Рельеф на каменной притолоке из Ла Пампа, север горного Перу (по: [Bischof 1994, fig. 23a]).

4. Фрагмент ткани с росписью в стиле чавин. Из разграбленного захоронения в долине Ика, юг побережья Перу, сер. I тыс. до н.э. Прорисовка по фотографии в: [Rowe 1962, fig. 30].

5. Фрагмент чеканки на золотой короне. Погребение в Кунтур Уаси, север горного Перу, первая половина — середина I тыс. до н.э. Прорисовка по фотографии в: [El Oro 1992: 12].

6. Каменная скульптура с изображением персонажа с землекопалкой (?) в руках. На другой стороне — изображение другого антропоморфного персонажа. Пакопампа, север горного Перу, конец II — первая половина I тыс. до н.э. (по: [Carrion Cachot 1948, lám. XX]).

7. Каменная плита с фигурой змееобразного монстра. На другой стороне — изображение правой и левой ступней. Пакопампа, север горного Перу, вероятно, вторая половина II тыс. до н.э. (по: [Burger 1995, fig. 92]).

8. Каменная плита с фигурой змееобразного монстра. На другой стороне — изображение открытой ладони. Мохеке, долина Касма, север побережья Перу, сер. II тыс. до н.э. (по: [Burger 1995, fig. 68]).

Рис. 3. Мифические существа в искусстве Перу и Эквадора.

1. Фигура персонажа со змеями у пояса, с росписи на сосуде культуры мочика, этап IV (по: [Donnan, McClelland 1999, fig. 4.80]).

2. Фигура персонажа с двуглавой змеей на шее, ткань культуры ламбайеке, примерно X в. н.э. (по: [Reid 1999: 151]).

3. Подвеска из сплава золота с медью, культура викус, первые века нашей эры (по: [Morris, Hagen 1992, fig. 56.4]).

4. Головное украшение из сплава золота с платиной, юг побережья Эквадора, район Манабии, случайная находка. Личина без нижней челюсти с выступающими из щек змеями напоминает изображения перуанских культур чавин и викус (по: [Chávez 2006. Abb. 3]).

ва явно змеиная, а не антропоморфная (рис. 2–7, 8). Обе эти плиты могли служить притолоками над какими-то проходами. Относительно еще одной, стиль изображения на которой позволяет датировать ее I тыс. до н.э., подобное назначение не вызывает особых сомнений (рис. 2–3).

После гибели Чавин-де-Уантара и распада системы связей, в фокусе которой находился этот храмовый городок, многие традиции искусства чавин и близких ему культур северного Перу были восприняты прибрежной североперуанской культурой мочика, сложившейся на рубеже нашей эры. Личину без нижней челюсти мочика, однако, не унаследовали. Зато у мочика мифологические персонажи начинают изображаться с парой отходящих от пояса змей, причем в ряде случаев сам пояс покрыт тем же орнаментом, что и тела змей (рис. 3–1). Не исключено, что змеи унаследованы от чави-

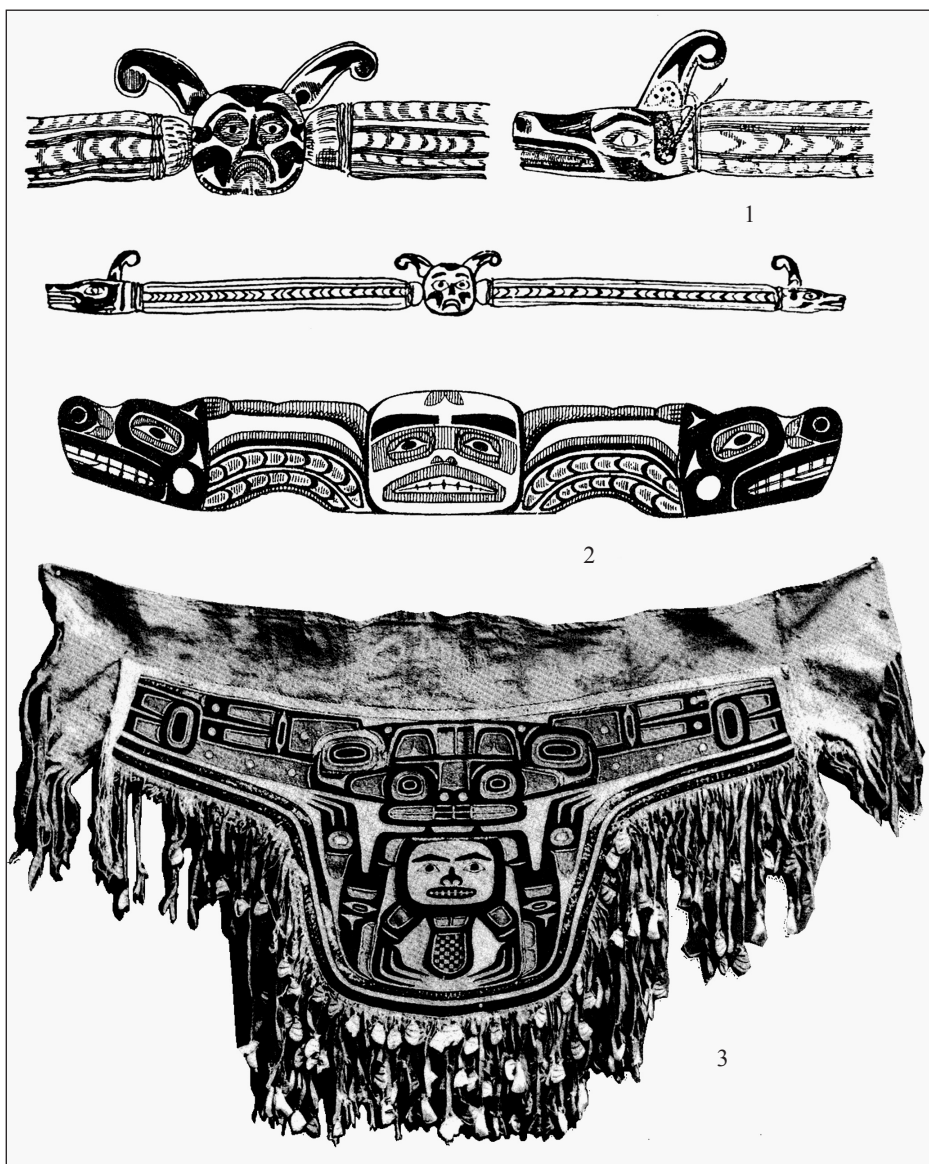

Рис. 4. Изображения личины с отростками-змеями на Северо-западном Побережье Северной Америки.

1. Квакиутль острова Ванкувер, пояс в виде сисиутля. XIX в. (по: [Voas 1897, fig. 167]).

2. Квакиутль, деревянное изображение сисиутля, которое привязывали к поясу таким образом, чтобы казалось, будто головы чудовища отходят от тела участника ритуала. XIX в. (по: [Voas 1897, fig. 10]).

3. Тлинкиты, юго-восточная Аляска. Передник из шерсти горного козла, воспроизводящий роспись на аналогичном кожаном шаманском переднике. XIX в. Центральная фигура анфас считается изображением Бобра (по: [Samuel 1982, fig. 8]).

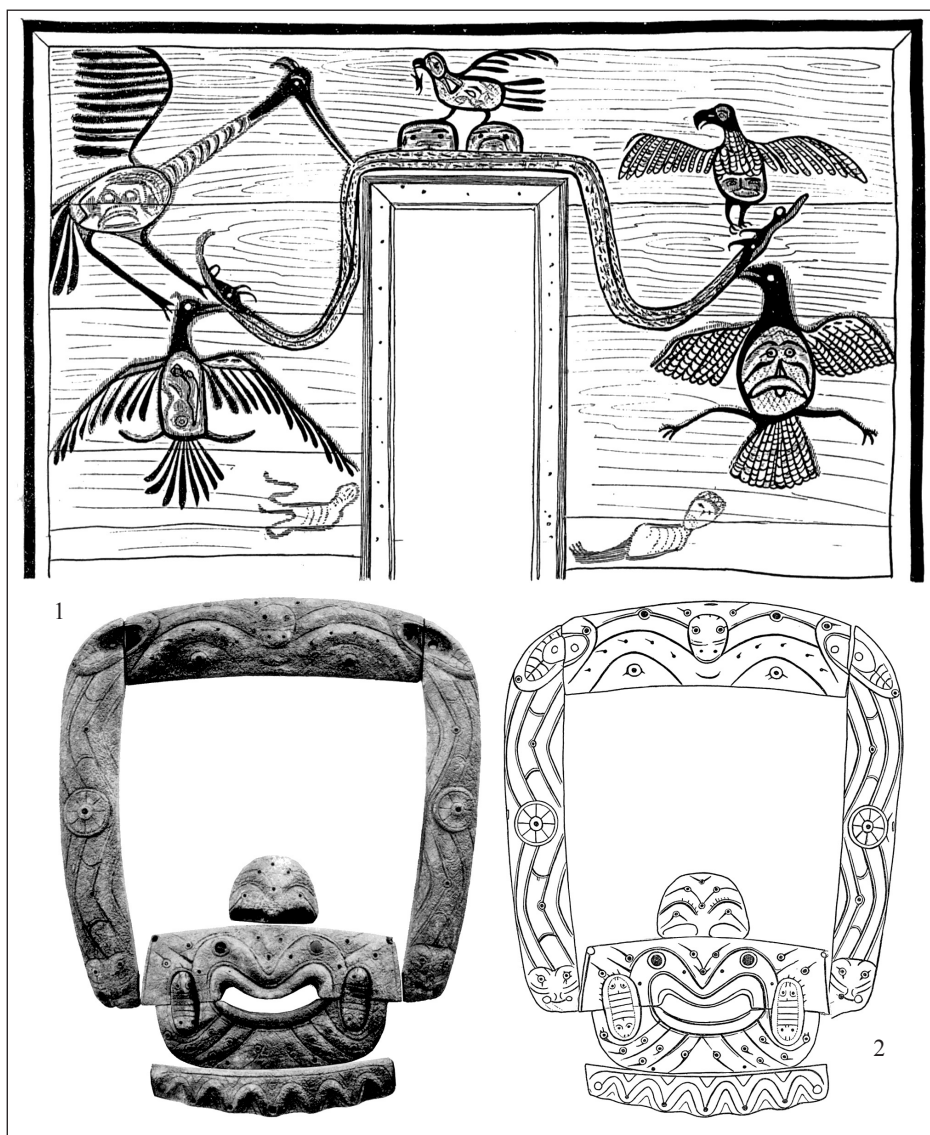

Рис. 5. Изображения существ с отростками-змеями в культурах северо-запада Северной Америки.

1. Квакиутль острова Ванкувер, деталь росписи с изображением сисиутля на стене над проходом, ведущим во внутреннее помещение дома (по: [Voas 1897, pl. 41]).

2. Костяное обрамление маски из могильника Ипиутак, северо-западная Аляска, сер. I тыс. н.э. (по: [Larsen, Rainey 1948, fig. 39] (прорисовка) и [Snow 1976: 193] (фото).

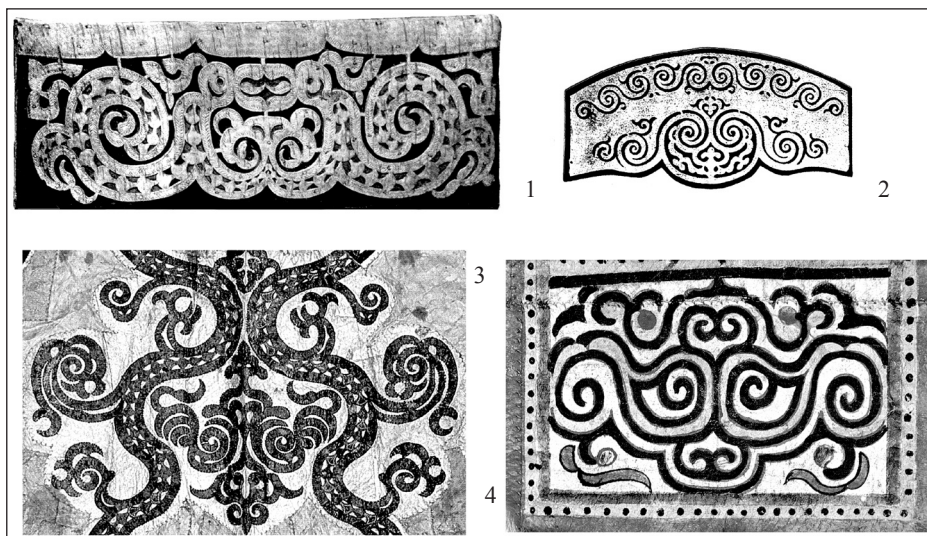

Рис. 6. Личина без нижней челюсти со змеевидными отростками в орнаментальном искусстве Нижнего Амура и Сахалина.

1. Нанайцы, XIX — начало XX в., накладной орнамент на берестяном коробе (по: [Okladnikov 1981, fig. 68]).

2. Нивхи, бумажный шаблон для нанесения орнамента на одежду (по: [Fitzhugh, Crowell 1988, fig. 287]).

3. Ульчи, XIX в., накладной орнамент на спине женского халата из рыбьей кожи (по: [Okladnikov 1981, fig. 50]).

4. Нанайцы, начало XX в., орнамент на охотничьей сумке из рыбьей кожи (по: [Okladnikov 1981, fig. 23]).

Рис. 7. Орнамент на айномском женском халате, конец XIX в. (по: [Munro 2002, № 72]).

Рис. 8. Маска таоте в Древнем Китае.

1. Керамическая модель для отливки маски тао-те, период Борющихся царств, Китай, провинция Шаньси (по: [Larousse 1992: 147]).
2. Деталь бронзового сосуда, Инь либо Западная Чжоу. Еще одна маска тао-те изображена на крышке сосуда (по: [Karlgren 1950, pl. 18]).
3. Украшение из нефрита эпохи Чжоу (по: [Covarrubias 1954, fig. 18]).
4. Прорисовка рельефной маски тао-те в нижней части бронзового колокола, период Весны и осени либо Борющихся царств (по: [Karlgren 1952, fig. 63, pl. 81]).

ноидной личины, помещенной на нижнюю часть туловища персонажа (как на рис. 1–3) и что первоначально это были не две змеи, а одна с головами на обоих концах тела. В других случаях змеи отходят от головы персонажа, но сама она показана в профиль [Cordy-Collins 1992, fig. 8]. Антропоморфные персонажи со змеями у пояса продолжают воспроизводиться на тканях VII–VIII вв. н.э., стиль которых частично восходит к искусству мочика [Stone-Miller 1994, pl. 30]. На чуть более поздних изображениях подобный двуглавый змей охватывает шею антропоморфных фигур (рис. 3–2). Возможно, что к чавиноидной личине восходит и популярный в искусстве мочика, но не представленный ранее образ отдельной чудовищной головы с оскаленным человеческим лицом и двумя разинутыми звериными пастьми по бокам [например, Cuesta Domingo 1990, fig. 26].

Близ северных границ ареала мочина одновременно с нею на побережье Перу возникает культура викус. Тип захоронений (глубокие шахтовые могилы), приемы орнаментации керамики и металлургия этой культуры обнаруживают параллели главным образом в Эквадоре и Колумбии. На изображениях викус нет клыкастых антропоморфных существ, это отличает их как от чавиноидных, так и от мочикских. Но, как и в чавине, на изображениях викус, а именно на сделанных из сплава меди и золота подвесках для носа, бывает показана личина без нижней челюсти с отходящими от нее в обе стороны змеевидными отростками (рис. 3–3) [Horkheimer 1968, Taf. II.6; Morris, Hagen 1992, fig. 56]. Восходит ли она к чавину, сказать сложно, скорее к какой-то местной традиции, в которой изображения наносились на органические материалы и не сохранились. Среди случайных находок на юге Эквадора есть золотое украшение, стиль орнаментации которого обнаруживает параллели как с викусом, так и с чавином. Тема изображения — личина без нижней челюсти с отростками-змеями (рис. 3–4).

То, что изображения подобной личины в конечном итоге в отдаленном прошлом где-то в Восточной Азии могли возникнуть в результате соединения на одной плоскости двух симметричных профильных образов, расположенных по двум сторонам одного объекта, вполне вероятно. Трудно поверить, однако, что подобный процесс осуществлялся многократно, каждый раз заново. В большинстве культур Америки, в том числе обладающих богатой фигуративной иконографией, таких как мимбрес или миссисипская культура, ничего подобного нет. Нет таких личин и на западе Старого Света. От Перу аналогии перуанской личине тянутся в Центральную Америку и Мексику и дальше на Амур и в Китай, но не в Центральную Азию. Территориально ближайшая к Эквадору известная мне параллель — нефритовая подвеска первой половины I тыс. н.э. с полуострова Никоя [Mauger, Hennen 2002, № 110: 137]. В Мезоамерике личина без нижней челюсти со змеевидными отростками встречается главным образом (или даже исключительно?) в Классический период. Она, в частности, используется в оформлении верхнего края сапотекских изобразительных панно (так называемые «челюсти неба») [Covarrubias 1954, fig. 18; Marcus,

Flannery 1996, fig. 250] и притолок в постройках мая [Milbrath 1999: 276–279; Schele, Miller 1986: 45].

На основной территории США и Канады ни личины без нижней челюсти, ни симметрично развернутых изображений нет. Эту иконографическую схему мы вновь находим у квакиутль острова Ванкувер и прилегающей части побережья Британской Колумбии. Речь идет о сисиутле — змееобразном чудовище, в виде фигуры которого бывают оформлены притолоки и прочие горизонтально протяженные конструктивные элементы строений, а также части ритуальных предметов [Barbeau 1953: 251, fig. 214; Voas 1897, fig. 167, pl. 41; Сое 1972, figs. 89, 94; Gunn 1966: 13]. Посредине тела сисиутля изображалась голова анфас, а в обе стороны отходили отростки с профильными головами змей на конце. Эти боковые головы в норме имели по одному рогу, центральная — два. На рисунке из книги Боаса изображен дверной проем, ведущий во внутреннее помещение дома. Над притолокой — нарисованное красками изображение сисиутля с двумя (а не с одной, как обычно) головами посредине и с двумя рожками на боковых головах. Журавль, громовая птица, орел и ворон атакуют чудовище (рис. 5–1).

Считалось, что сисиутль может превращаться в рыбу и в лодку, которая сама движется, гребя плавниками. Во время ритуалов пояс с изображением сисиутля надевали таким образом, чтобы голова была спереди, а змеевидные отростки выступали в стороны (рис. 4–1, 2). Если сцены, изображенные на мочикской керамике, разыгрывали какие-то имперсонаторы, то они должны были надевать аналогичные пояса. Самодвижущиеся лодки, везущие мочикских божеств, в точности соответствуют описанию подобных лодок у индейцев Северо-Западного побережья.

Несмотря на то что сисиутль как двуглавое змееобразное существо упоминается в мифах береговых сэлишей [Duff 1952: 118] и беллакула [McIlwraith 1948: 529], а изображения соответствующих лодок-чудовищ встречаются у хайда [Bringinghurst 2004, fig. 9], в наиболее богатой изобразительной традиции Северо-Западного побережья, тлинкитской, прямых аналогий сисиутлю нет. Дело, однако, в том, что в музейных коллекциях представлены главным образом тлинкитские материалы XIX–XX вв., когда основным предметом шаманского облачения становится заимствованная от цимшиан накидка чилкат. Раньше наиболее существенной частью шаманского костюма являлся, по-видимому, пояс-передник [Samuel 1982, fig. 8–10]. Общие контуры изображения на одном из немногих опубликованных тлинкитских предметов такого рода близки иконографической схеме сисиутля (рис. 4–3).

В искусстве исторических эскимосов сисиутля и вообще симметрично развернутых изображений нет. Однако в 1940 г. на Аляске на берегу Чукотского моря в ходе раскопок могильника Ипиутак середины I тыс. н.э. были обнаружены остатки маски. Ее деревянная основа исчезла, но сохранились костяные обкладки, образующие личину с отходящими от нее в обе стороны змеевидными отростками (рис. 5–2).

В искусстве индо-тихоокеанской окраины Азии змееобразный монстр с головой анфас посредине и двумя головами в профиль по сторонам известен в четырех смежных регионах. Это, во-первых, Нижний Амур — Сахалин — Хоккайдо, во-вторых, Древний Китай, в-третьих, Юго-Восточная Азия, где со второй половины I тыс. н.э. в искусстве индуизированных культур соединяются южноазиатские и какие-то местные элементы, и, в-четвертых, сама Индия.

В амуро-сахалинском искусстве подобная личина сильно стилизована и воспринимается как орнамент, хотя ее сходство с фигуративными образами Китая и Нового Света очевидно (рис. 6). Это особенно касается искусства нивхов, нанайцев и ульчей, тогда как в орнаментике удэгейцев и особенно негидальцев, орочей и уильта личину можно выделить лишь с натяжкой, опираясь на нанайские и нивхские параллели [Кочешков 1995: 64, 85, 126, 131]. Включенные в орнамент амуро-сахалинские стилизованные личины похожи на такие же айнские, которые, как и у амуро-сахалинских народов, украшают женские праздничные халаты (рис. 7). Другие формы амуро-сахалинских изображений (шаманские деревья, драконы-мудур) исполнены в ином стиле и в айнском искусстве параллелей не обнаруживают. Никаких конкретных поздних китайских образцов амуро-сахалино-хаккайдоские личины не копируют. Китайские параллели носят более общий характер, отражая такие культурные связи, древность которых значительно превышает время появления современных тунгусо-маньчжурских народов.

В Китае к данному кругу образов принадлежит маска тао-те, характерная для орнаментики бронзовых сосудов и реже других изделий от их появления в иньское время (или даже с самого начала Бронзового века) до эпохи хань [Karlgrén 1937; 1952; Suhr 1965] (рис. 8). Исчезновение тао-те из китайского искусства связано прежде всего с изменениями в ритуалах и верованиях, которые привели к исчезновению самих сосудов, связанных с родовыми культами. Тао-те содержит все главные иконографические элементы, характерные для перуанских чавиноидных личин: отсутствие нижней челюсти, круглые глаза, отходящие от щек или от низа лица симметрично расположенные змеевидные отростки.

В индуистском искусстве сходный образ носит название Киртимукха (Kīrttimukha, «лик славы», или «пасть славы»). Точнее, так именуется центральная личина, а в сочетании с боковыми отростками это Kāla-makara, обычно обрамляющая сверху нишу или ведущий в храм дверной проем [Bosch 1960: 8–10; Carlson 1982: 137–144; Coral-Rémusat 1937: 134, fig. 78, pl. 63A; Goloubew 1927, fig. 9]. Подобное ее расположение в архитектуре Индии и индуизированных культур Юго-Восточной Азии находит точные параллели в Центральных Андах, Мезоамерике и у квакиутль. Наиболее знамениты кала-макара, обрамляющие проходы в храмовом комплексе Борбудур на востоке Явы, возведенном в конце VIII в. н.э. (рис. 9–3). Этот образ был известен и кхмерам (рис. 9–1, 2). В самой Индии киртимукха с более или с менее выраженными боковыми отростками, заканчивающимися

головами химер, представлена в рельефном декоре индуистских храмов как северного, так и южного стилей [Suhr 1965: 91–92], а также в прикладном искусстве [Маретина 2005: 22]. Частота встречаемости этого образа по ареалам, хронология и подробности иконографии, по-видимому, не изучены.

Киртимукха ассоциируется с отрубленной и бессмертной головой демона Раху, вызывающей лунные и солнечные затмения. Сходное истолкование, кажется, предполагается для тао-те [Suhr 1965: 93], хотя специальные исследования на этот предмет мне не известны. В мифах айну упоминается чудовище неопределенного вида, по сути дела представляющее собой одну огромную пасть. Утром и вечером оно готово проглотить (а однажды и проглотило) солнце, и, чтобы отвлечь его внимание от светила, ему бросают лисиц и ворон [Невский 1972: 107–108; Batchelor 1907: 21; Mashiko 2002]. И все же складывается впечатление, что дожившая до исторического времени иконографическая традиция по обе стороны Тихого океана утратила связь с породившими ее представлениями, актуальное бытование которых следует относить к очень отдаленной эпохе. Ни в Азии, ни в Америке образ личины с отростками не находит ясных истолкований в дошедших текстах, свойственные ему иконографические детали объяснений не имеют. Во всем циркумтихоокеанском регионе лишь сисиутль принадлежит к кругу актуальных мифологических персонажей, хотя в повествованиях он также редко упоминается, а моделирование в форме этого чудовища архитектурных деталей, в частности дверных притолок, не объясняется. К тому же сисиутль, напоминая древнейшие перуанские изображения II тыс. до н.э. (рис. 2–7, 8), отличается от тао-те, кала-макары и большинства андских и мезоамериканских образов тем, что его центральная личина имеет нижнюю челюсть. Географически же наиболее удаленные от индийских и китайских перуанские изображения структурно на них более всего похожи.

Несмотря на то что композиции типа тао-те — сисиутля не находят объяснений в повествовательных текстах, ареал распространения этих образов во многом перекрывает ареалы встречаемости некоторых сюжетобразующих мотивов, специфичных для циркумтихоокеанского региона [Березкин 2003: 268, рис. 10; 2005; 2006]. «Южноазиатская киртимукха, скульптурное изображение которой обычно помещается над дверными проемами храмов, не является в чистом виде индийским явлением; она восходит к первобытной традиции, по-видимому, общей для всех тихоокеанских народов» [Coral-Rémusat 1937: 432]. Один из характерных для Нового Света мифологических мотивов демонстрирует явную ареальную привязку к тихоокеанскому побережью обеих Америк, не просто присутствуя в индейском фольклоре, но занимая важнейшее место в космогониях Северо-Западного побережья, Мезоамерики и Центральных Анд, т.е. именно тех областей, где сисиутль, «челюсти неба» и их иконографические аналоги в основном и представлены. После первого появления солнца тьма рассеивается, а обитавшие в сумеречном мире первопредки (или часть из них)

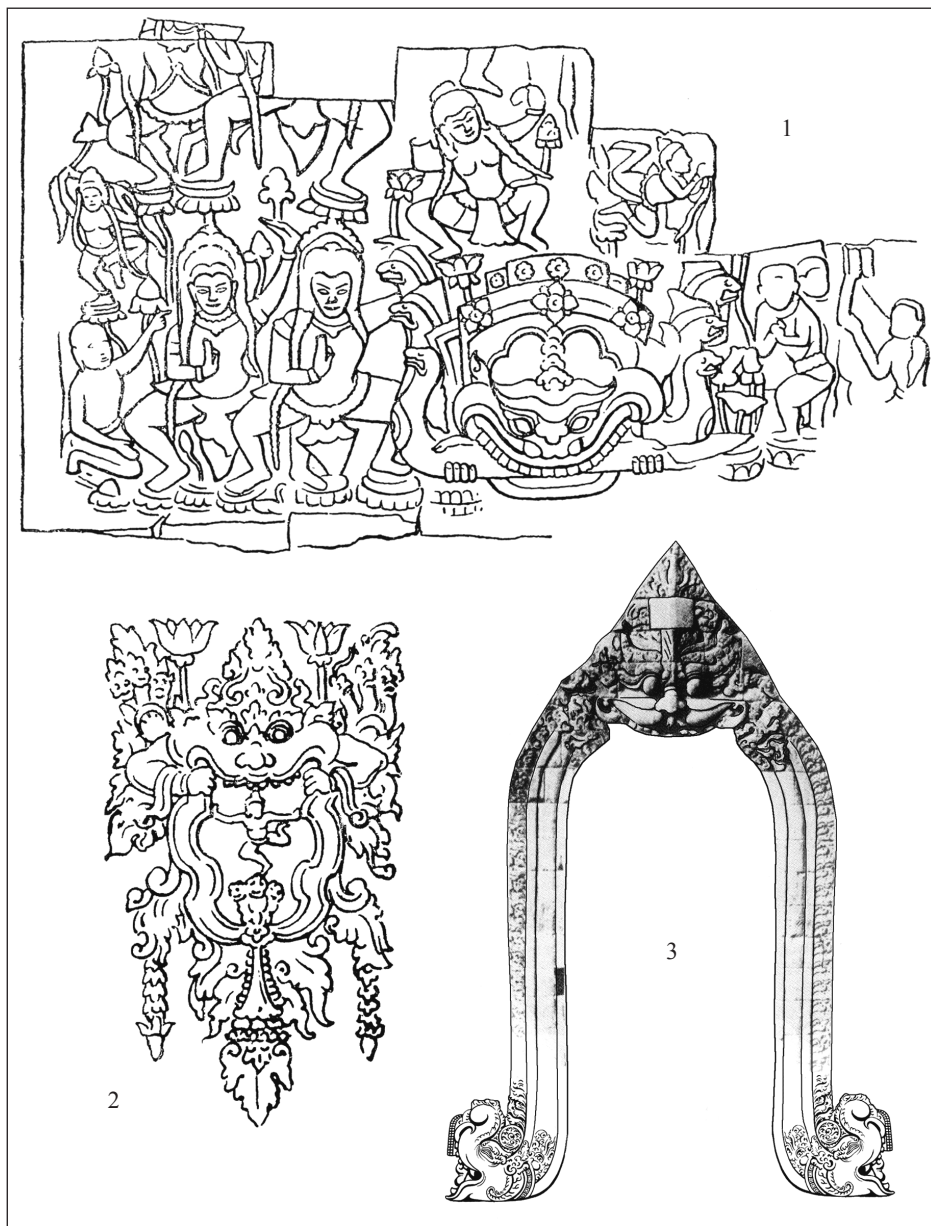

Рис. 9. Kīrttimukha и Kāla в монументальном искусстве Юго-Восточной Азии.

1. Кхмерский барельеф из Ангкора с изображением личины, имеющей зубы только в верхней челюсти. Вправо и влево отходят змеи (по: [Goloubew 1927, fig. 9]).

2. Кхмерская Kāla, держащая в руках кольцо, танцующая фигура внутри которого, по-видимому, символизирует наш мир. Данная композиция обнаруживает как индийские, так и китайские параллели (по: [Coral-Rémusat 1937, fig. 78.3]).

3. Оформление портала в храме Боробудур, Ява, IX в. н.э., прорисовка по фотографии и рисунку (в: [Carlson 1982, figs. 2b, 3]).

Рис. 10. Архаическая Горгона с двумя отходящими от ее головы змеями. Роспись на аттической амфоре (по: [Gimbutas 2001, fig. 16]).

гибнут или превращаются в животных, в камни, в духов. Формат статьи не позволяет изложить тексты, но их пересказы и ссылки на источники доступны в электронном каталоге мотивов на сайте <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin> (мотивы A23 и A24). За одним или двумя исключениями места записи текстов на данный сюжет цепочкой тянутся вдоль берега Тихого океана от Берингова пролива до Центральных Анд, словно отмечая путь одной из групп мигрантов в Америку. В Азии этот след обрывается, так что связь между данным сюжетом и соответствующими образами изобразительного искусства не очевидна. Однако, как уже было сказано, основанные на принципе осевой симметрии горизонтально протяженные изображения типа сисиутля, «челюстей неба» и центрально-андских личин не имеют параллелей на большей части Северной Америки, т.е. там, где в мифологии наиболее заметны связи с континентальной Евразией. Исследуемый образ связан с индо-тихоокеанским компонентом того культурного наследия, которое предки индейцев принесли в Америку.

И в заключение о Горгоне. Столь популярный в античности образ в микенском и кикладском искусстве, похоже, отсутствует. На древнейших изображениях архаического периода Горгона не является, строго говоря, змееволосой — от ее головы отходят лишь две змеи (рис. 10). Как иконографическое, так и функциональное (изображение на притолоках и т.п.) сходство Горгоны с киртимукхой и тао-те было давно замечено, но рассматривалось в контексте универалистских идей, восходящих к соллярно-лунарным фантазиям XIX в. [Suhr 1965]. Этот образ либо возник в результате относительно позднего южноазиатско-средиземноморского культурного обмена, либо его связь с искусством индо-тихоокеанского мира уходит куда-то в палеолит. Примерно в то же самое время, когда в Эгеиде появляются изображения Горгоны, в Египте распространяется образ бога Беса, чья иконографическая близость к Горгоне тоже обращала на

себя внимание. Это есть довод в пользу заимствования греками иконографии Горгоны в первой половине I тыс. до н.э. Об источнике такого заимствования пока можно только гадать.

Библиография

- Башилов В.А. Древние цивилизации Перу и Боливии. М.: Наука, 1972. 211 с.
- Березкин Ю.Е. Начало земледелия на перуанском побережье // Советская археология 1969. № 1. С. 3–12.
- Березкин Ю.Е. О путях заселения Нового Света: некоторые результаты сравнительного изучения американских и сибирских мифологий // Археологические вести. 2003. № 10. С. 228–285.
- Березкин Ю.Е. Некоторые тенденции в глобальном распространении комплексов фольклорно-мифологических мотивов // Ad hominem. Памяти Николая Гиренко. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 131–156.
- Березкин Ю.Е. Евразийская прародина аборигенов Америки (анализ ареального распределения фольклорно-мифологических мотивов) // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. М.: Наука, 2006. Кн. 1. С. 228–240.
- Вишняцкий Л.Б. Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 250 с.
- Жушиховская И.С. Ранняя керамика Дальнего Востока и Восточной Азии // Актуальные проблемы дальневосточной археологии. Владивосток: Дальнаука, 2002. С. 109–150.
- Кочешков Н.В. Декоративное искусство народов Нижнего Амура и Сахалина. СПб.: Наука, 1995. 151 с.
- Кузьмин Я.В. Переход от палеолита к неолиту и возникновение керамики на Дальнем Востоке России: геoarхеологический аспект // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 3(15). С. 16–26.
- Леви-Строс К. Симметрично развернутые изображения в искусстве Азии и Америки // Леви-Строс К. Структурная антропология: Пер. с фр. М.: Наука, 1983. С. 216–240.
- Маретина С.А. Змея в индустской мифологии (на материалах МАЭ). СПб.: МАЭ РАН, 2005. 140 с.
- Невский Н.А. Айнский фольклор. М.: Наука, 1972. 175 с.
- Табарев А.В. Введение в археологию Южной Америки. Новосибирск: СО РАН, 2006. 243 с.
- Batchelor J. Items of Ainu folk-lore // Journal of American Folklore. 1907. № 7 (24). P. 15–44.
- Boas F. The Social Organization and the Secret Societies of the Kwakiutl Indians. Washington: Smithsonian Institution, 1897. P. 311–738.
- Bosch F.D.K. The Golden Germ. An Introduction to Indian Symbolism. Vol. 2. 'S-Gravenhage: Mouton, 1960. 264 p.
- Bogoras W. New Problems of Ethnographic Research in Polar Countries // Proceedings of the 21st International Congress of Americanists, First Part. Leiden: E.J. Brill, 1924. P. 226–246.
- Bringhurst R. The audible light in the eyes. In honor of Claude Lévi-Strauss // Coming to Shore. Northwest Coast Ethnology, Traditions, and Visions. London: University of Nebraska Press, 2004. P. 163–182.
- Burger R.L. Chavin and the Origins of Andean Civilization. London: Thames and Hudson, 1995. 248 p.
- Burger R.L., Salazar-Burger L. The place of dual organization in Early Andean ceremonialism: a comparative review // El Mundo Ceremonial Andino / Eds. L. Millones, Y. Onuki. Osaka: National Museum of Ethnology, 1991. P. 97–116.
- Carlson J.B. The double-headed dragon and the sky. A pervasive cosmological symbol // Ethnoastronomy and Archaeoastronomy in the American Tropics / Eds. A.E. Aveni, G. Urton. New York: the New York Academy of Sciences, 1982. P. 135–163.

- Carrion Cachot R. *La Cultura Chavin. Dos Nuevas Colonias: Kuntur Wasi y Ancon*. Lima: reimpresso de la Revista Nacional de Antropología y Arqueología. 1948. Vol. 2, N 1. 82 p.
- Chávez C. *Altandine Schätze im Museum für Völkerkunde Hamburg // Schätze der Anden*. Hamburg: Museum für Völkerkunde, 2006. S. 32–71.
- Coe R.T. *Asiatic sources of Northwest Coast art // American Indian Art: Form and Tradition*. Washington a.o.: Walker Art Center, Indian Art Association, The Minneapolis Institute of Arts, 1972. P. 85–91.
- Coral-Rémusat F. de. *Animaux fantastiques de l'Indochine, de l'Insulinde et de la Chine // Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient*. 1937. № 36. P. 427–435.
- Cordy-Collins A. *Archaism or tradition: the decapitation theme in Cupisnique and Moche iconography // Latin American Antiquity*. 1992. N 3(3). P. 206–220.
- Creamer W., Ruiz A., Haas J. *Archaeological Investigation of Late Archaic Sites (3000–1800 B.C.) in the Pativilca Valley, Peru*. Chicago: Field Museum of Natural History, 2007. 79 p.
- Cuesta Domingo M. *Cultura y Cerámica Mochica*. Madrid: Museo de América, 1980. 289 p.
- Donnan C.B., McClelland D. *Moche Fineline Painting*. Los Angeles: UCLA Fowler Museum of Cultural History, 1999. 319 p.
- Duff W. *The Upper Stalo Indians*. Victoria: British Columbia Provincial Museum, 1952. 136 p.
- El Oro y Templo de Kuntur Wasi. Tokyo, 1992. 30 p. [Текст на японском с частичным испанским переводом].**
- Emmerich A. *Sweat of the Sun and Tears of the Moon. Gold and Silver in Pre-Columbian Art*. Seattle: University of Washington Press, 1965. 216 p.
- Erickson D.L., Smith B.D., Clarke A.C., Sandweiss D.H., Tuross N. *An Asian origin for a 10,000-year-old domesticated plant in the Americas // Proceedings of National Academy of Sciences U.S.A.* 2005. № 102 (51). P. 18315–18320.
- Fitzhugh W.W., Crowell A. *Cross Roads of Continents. Cultures of Siberia and Alaska*. Washington D.C.: Smithsonian Institution, 1988. 360 p.
- Gimbutas M. *The Living Goddesses*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2001. 286 p.
- Goloubew V. *Le cheval Balaha // Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient*, 1927. № 27. P. 223–237.
- Gunn S.W. *Kwakiutl House and Totem Poles*. Vancouver: Whitewalks Publications, 1966. 24 p.
- Haas J. *The exercise of power in early Andean state development // The Origin and Development of the Andean State*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 31–35.
- Haas J., Creamer W. *Crucible of Andean Civilization. The Peruvian Coast from 3000 to 1800 BC // Current Anthropology*. 2006. № 47 (5). P. 745–775.
- Horkheimer H. *Vicús: Ausdrucksformen einer neu aufgefundenen Kultur // Archiv für Völkerkunde*. 1968. N 22. P. 85–91.
- Jacknis I. **«A magic place»**. *The Northwest Coast Indian hall at the American Museum of Natural History // Coming to Shore. Northwest Coast Ethnology, Traditions, and Visions*. Lincoln, London: University of Nebraska Press, 2004. P. 221–250.
- Jones T.L., Klar K.A. **Diffusionism reconsidered: linguistic and archaeological evidence for prehistoric Polynesian contact with Southern California // American Antiquity**. 2005. N 70 (3). P. 457–484.
- Karlgren B. *New Studies on Chinese Bronzes // The Museum of Far Eastern Antiquities (Stockholm)*. 1937. Bull. 9. P. 1–118.
- Karlgren B. *A Catalogue of the Chinese Bronzes in the Alfred F. Pillsbury Collection*. Minneapolis: the University of Minnesota Press, 1952. 228 p.
- Klar K.A. *Linguistic evidence for a prehistoric Polynesian-Southern California contact event // Anthropological Linguistics*. 2005. N 47 (4). P. 369–400.
- Larco Hoyle R. *Los Cupisniques*. Lima: Casa editora “La Crónica” y “Variedades”, 1947. 259 p.
- Larousse. *Les Premiers Rois de Chine // L'histoire du monde Larousse*. Paris, 1992. № 8. P. 141–159.
- Larsen H., Rainey F.G. *Ipiutak and the Arctic Whale Hunting Culture*. New York: American Museum of Natural History, 1948. 276 p.

- Lu T. The occurrence of cereal cultivation in China // *Asian Perspectives*. 2006. N 45 (2). P. 129–158.
- Marcus J., Flannery K. *Zapotec Civilization*. London: Thames and Hudson, 1996. 255 p.
- Mashiko M. Raven and the hidden sun / Paper presented to the International Symposium «The Raven's Arch: Jesup North Pacific Expedition Revisited». Sapporo, October 24th–28th, 2002. 22 p.
- Maurer E., Hennen M. *Symboles sacrés. Quatre mille ans d'art des Amériques*. Paris: Éditions de la Réunion des musées nationaux, 2002. 216 p.
- Mauzé M. *When the North Coast haunts French anthropology // Coming to Shore. Northwest Coast Ethnology, Traditions, and Visions* / Ed. by M. Mauzé, M.E. Harkin, S. Kan. Lincoln; London: University of Nebraska Press, 2004. P. 63–85.
- McIlwraith T.F. *The Bella Coola Indians*. Vol. 2. Toronto: University of Toronto Press, 1948. 672 p.
- Milbrath S. *Star Gods of the Maya. Astronomy in Art, Folklore and Calendars*. Austin: University of Texas Press, 1999. 348 p.
- Morris C., Hagen A. von. *The Inka Empire and its Andean Origins*. New York; London; Paris: Abbeville, 1993. 251 p.
- Munro N.G. A Scottish Physician's View: Craft and Spirit of the Ainu from N.G. Munro Collection. Sapporo: The Foundation for Research and Promotion of Ainu Culture, 2002. 180 p.
- Netherly P. The management of Late Andean irrigation system on the North Coast of Peru // *American Antiquity*. 1984. N 49 (2). P. 227–254.
- Okladnikov A.P. *Ancient Art of the Amur Region*. Leningrad: Aurora Art Publishers, 1981. 159 p.
- Pozorski S., Pozorski T. An expanding Initial Period polity of Coastal Peru // *Journal of Anthropological Research*. 2006. N 62. P. 27–52.
- Pozorski S. Theocracy vs. militarism: the significance of the Casma Valley in understanding early state formation // *The Origin and Development of Andean State*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 15–30.
- Pozorski S., Pozorski T. Early civilization in the Casma Valley, Peru // *Antiquity*. 1992. N 66 (253). P. 845–870.
- Reid J. Enigmas y incertidumbres sobre la textilería lambayeque // *Lambayeque* / Ed. J. A. de Lavallé. Lima: Banco de Crédito del Perú, 1999. P. 137–162.
- Rowe J.H. *Chavin Art. An Inquiry into its form and Meaning*. New York: The Museum of Primitive Art, 1962. 23 p.
- Samuel C. *The Chilkat Dancing Blanket*. Seattle: Pacific Research Press, 1982. 234 p.
- Schele L., Miller M.E. *The Blood of Kings. Dynasty and Ritual in Maya Art*. Fort Worth: Kimbell Art Museum, 1986. 335 p.
- Schmidt K. Göbekli Tepe, Southeast Turkey. A preliminary report on the 1995–1999 excavations // *Paléorient*. 2000. N 26 (1). P. 45–54.
- Schmidt K. Sie bauten den ersten Tempel. Das rätselhafte Heiligtum der Steinzeitjäger. Die archäologische Entdeckung am Göbekli Tepe. München: C.H. Beck, 2006. 282 s.
- Shady Solís R. *Caral: the City of the Sacred Fire*. Lima: Centura Sab, 2004. 259 p.
- Shady R., Leyva C. La ciudad sagrada de Caral-Supe: los orígenes de la civilización andina y la formación del Estado prístino en el antiguo Perú. Lima: Instituto Nacional de Cultura, 2003. 342 p.
- Snow D. *The Archaeology of North America*. New York: The Viking Fund, 1976. 272 p.
- Stone-Miller R. *To Weave for the Sun: Ancient Andean Textiles in the Museum of Fine Arts*, Boston. New York: Thames and Hudson, 1994. 271 p.
- Storey A.A., Ramírez J.M., Quiroz D., a.o. *Radiocarbon and DNA evidence for pre-Columbian introduction of Polynesian chickens to Chile* // *Proceedings of National Academy of Sciences U.S.A.* 2007. N 104 (25). P. 10335–10339.
- Suhr E.G. An interpretation of the Medusa // *Folklore*. 1965. N 76. P. 90–103.
- Zuidema R.T. An Andean model for the study of Chavin iconography // *Journal of SAS*. 1992. N 20 (1–2). P. 37–54.